

«Нам нужны шпионы культуры»

Интервью Анны Альчук с Франком Берберихом*

■ Анна Альчук: Франк, как возникла идея издания немецкого «Леттр»?

■ Франк Берберих: Первое издание «Леттр» вышло во Франции в 1984 году. Его основателем был Антонен Лим, писатель и кинокритик из Чехословакии, которую он покинул после подавления Чешского восстания в 1968 году. Затем через год появился итальянский «Леттр», а в 1986 году вышел «Леттр» на испанском языке. Таким образом, немецкий «Леттр» появился четвертым в мае 1988 года. А после 1989 года последовало еще несколько изданий журнала на разных языках: русское издание, венгерское, румынское, болгарское, польское, чешское, сербское, хорватское, македонское. Однако к настоящему моменту сохранилось только шесть журналов «Леттр», из которых самый молодой – датский, возникший три года назад. К сожалению, большинство восточно-европейских и центрально-европейских изданий полноценно просуществовало всего три-четыре года. Они получали деньги от энтузиастически настроенных культурных фондов, которые ожидали процветания Европы после объединения, однако прекратили финансирование, когда обнаружили, что вхождение в Европу сулит много трудностей.

* Перевод с английского. – А.А.

Как я пришел к идее издания «Леттр»? Я был одним из тех, кто в конце 1970-х издавал в Германии ежедневную газету. В то время у нас было только четыре таких газеты национального масштаба. И мы хотели создать газету нового типа, в которой были бы представлены альтернативные движения, например движение за гражданские права, где бы обсуждались феминистские, экологические проблемы. Хотелось, чтобы идеи студенческого движения 60-х – начала 70-х вновь были услышаны, ведь к середине 70-х это движение сошло на нет, претерпело метаморфозы.

■ А. А.: Были ли Вы вовлечены в это движение?

■ Ф.Б.: В интеллектуальном смысле – да. Это повлияло на мою жизнь, на мой выбор друзей.

В 1979 году я организовал газету, похожую на парижскую «Либерасьон», но через два года ушел из нее, потому что это было не то, к чему я стремился. Например, когда я опубликовал большой текст «О морали» Жан-Поля Сартра, мои коллеги отреагировали высказываниями типа: «Как ты можешь публиковать такое интеллектуальное дерьмо! Ведь это интеллектуальная мастурбация!» Я же мечтал об издании, реально имеющем интеллектуальную ценность. Возвратившись в мой родной город Франкфурт, я начал писать научные тексты на тему языка и власти. Я опирался на Касториадиса и постструктуралистов. Меня всегда интересовали теоретические основания распространенной ситуации, когда люди действуют против своих собственных интересов: как теоретически обосновывается готовность людей умирать во имя власти.

В 1987 году я поехал в Париж и начал переговоры с Лимом об организации немецкого «Леттр». Год я вел переговоры. Я сделал большое интервью с ним, которое было напечатано в «Тагесцайтунг» (ТАЗ). И вскоре была организована конференция с участием известных интеллектуалов, на которой рассматривалась возможность создания немецкого «Леттр». Представители издательства «Зуркамп» хотели, чтобы «Леттр» выходил в карманном формате, но я отказался от этого варианта, потому что моя идея состояла в том, чтобы делать интеллектуальный журнал, который

продавался бы в каждом киоске. Я хотел, чтобы это был журнал хорошего качества, но при этом чтобы его читали, а потом, предположим, выбрасывали. Журнал как пицца, которую мы принимаем каждый день, – вот моя идея.

■ А. А.: И Вы преуспели, ведь немецкий «Леттр» – один из самых успешных интеллектуальных журналов Европы. Сколько экземпляров удастся продать?

■ Ф.Б.: Как правило, это 16000 экземпляров плюс-минус 2000. Это зависит от обложки. Стоит нам сделать обложку цветной, как мы продаем на две тысячи больше. Журналы с черно-белыми обложками, в оформлении которых были использованы прекрасные работы Джозефа Кошута, Хуана Муньоса, Анри Картье-Брессона, продавались меньшим тиражом.

■ А. А.: Известно, что с «Леттр» сотрудничали крупнейшие художники. Не могли бы Вы назвать некоторые имена?

■ Ф.Б.: Мы хотели сделать «Леттр» местом творческого взаимодействия писателей, интеллектуалов, философов, поэтов, художников, фотографов. А для художников «Леттр» стал местом, где они могут преодолеть ситуацию своеобразной интеллектуальной изоляции, связанную с их положением на арт-рынке. Выяснилось, что художники, во-первых, много читают, а во-вторых, часто сами пишут. Многие художники говорили мне, что счастливы оказаться в интеллектуальном контексте. И пусть их картины воспроизводятся в самых престижных глянцево-арт-журналах, но ведь это мир денег, мир бизнеса. А тут они оказывались в одном контексте с интеллектуалами, крупными журналистами, аналитиками. Это было для них мотивацией, в то время как их работы прибавляли еще одно измерение публикациям. Когда мы приглашаем художников, мы не знаем, что они сделают. Иногда они просят почитать текст, иногда нет.

С нами работали в хронологическом порядке: Йорг Иммендорф, Маркус Люперц, Георг Базелитц, Зигмар Польке, Джулиан Шнабель, Дэвид Сэлли, Илья Кабаков, Ребекка Хорн, Мартин Киппенбергер, Яннис Куннелис, Мартин Дисленд, Кристиан Болтански и другие.

На самом деле художники нас спасли. В 1999 году у нас не было денег. Так четырнадцать художников сделали специальное графическое издание для «Леттр» тиражом в 40 экземпляров. Участвовали Мимо Поладино, Хуан Муньос, Марина Абрамович, Розмари Трокль.

■ А. А.: Учитывая сколько художников мирового уровня делают свои работы специально для «Леттр», трудно поверить, что люди, как Вы сказали, действительно выбрасывают журнал после прочтения.

■ Ф.Б.: 83% читателей журнал коллекционируют.

■ А. А.: Насколько мне известно, независимость является Вашим основным принципом. Никто ни при каких обстоятельствах не может заставить Вас печатать материалы, которые Вы печатать не хотите. Притом что Вы принципиально не обслуживаете чьи-либо интересы, будь то академия, экономические корпорации или группы, не говоря уже о политических партиях, как удается выживать? Представляю, насколько это сложно...

■ Ф.Б.: Действительно, очень сложно. Хотя для нас это проще, чем, например, для наших венгерских коллег, просто потому что много десятков миллионов людей говорят по-немецки, включая Швейцарию и Австрию. Это один позитивный фактор. Вторым фактором является наша история и опыт национал-социализма. Тотальное саморазрушение немецкой культуры, забвение морали в результате национал-социализма и последующее воссоздание Германии оставили глубокие следы в умах людей. Национализм в наиболее радикальной, агрессивной и воинственной форме привел к ужасающим последствиям, и люди осознали, что это должно быть искоренено. По прошествии двадцати с лишним лет после окончания войны, когда началось студенческое движение 1967–1968 годов, молодые люди стали задавать болезненный вопрос своим родителям, бабушкам и дедушкам: что вы делали во время войны? Война нанесла действительно глубокие раны немецкому обществу и заставила нас пройти через очень травматический опыт жизни в совершенно разоренной, разрушенной стране. И я имел этот опыт. В этом смысле родившиеся после

войны люди были как бы *tabula rasa*. Наше поколение чувствовало последствия войны: моральные, социологические, последствия уничтожения образованной, высококультурной еврейской элиты, и оно сделало выводы, которые состояли в том, что необходимо бороться против любого проявления национализма и расизма, идеологии превосходства. Чтобы не допустить этого, мы должны лучше понимать наше общество, мы должны посвятить свою жизнь его просвещению. И в каком-то смысле «Леттр» реализует этот проект. Но это возможно потому, что и со стороны общества мы встретили заинтересованность. Немецкая аудитория оказалась восприимчива к идеям, приходящим извне. Это то, что отличает немецких читателей от французских. Французская публика в большей степени замкнута на саму себя, она более нарциссична.

Травматичный опыт жизни в стране, совершившей нацистские преступления, создал возможность открытости и самокритичности для немецкой читающей публики. И если проанализировать содержание немецких ежедневных газет, мы увидим, что по сравнению с 1988 годом оно стало более интернациональным. В Германии сейчас публикуется гораздо больше иностранных авторов, чем в прежние времена. И я думаю, что в определенной мере «Леттр» стимулировал этот процесс.

■ А. А.: Итак, Вы хотели повлиять на этот мир, изменить его и Вы добились успеха. Не так ли?

■ Ф.Б.: Да, точно, потому что 1300 наших читателей – мы проводили социологическое исследование – журналисты. Это 8% всех читателей. Это много, вообразите, ведь это люди, работающие в газетах, на радио, на телевидении. Многие наши читатели работают в арт-институтах, таких как издательства, арт-галереи, музеи, оперы. То есть мы имеем большое влияние на журналистов и на людей, работающих в сфере культуры. Все они используют «Леттр» как рабочий материал. 73% читателей ответили, что «Леттр» оказывает влияние на их работу.

■ А. А.: Мне кажется значимым, что в «Леттр» пишут не только западноевропейские и американские авторы, но и интеллектуалы из Восточной Европы, России, Латинской Америки, Индии, Ки-

тая и других стран. Кроме того, Ваш журнал имеет дело с широким спектром проблем во всем мире. Можно ли утверждать, что «Леттр» основывается на европейской просветительской традиции, но при этом не является евроцентристским журналом?

■ Ф.Б.: Конечно, мы не евроцентричны. «Леттр» – это своеобразный эксперимент. Мы не являемся выразителями какой-то интеллектуальной группы, какого-то определенного интеллектуального течения. У нас три типа публикаций. Во-первых, это литературные репортажи. Во-вторых, наррация, литературные произведения, поэзия. И, в-третьих – аналитика. То есть мы печатаем самые различные тексты, создавая платформу, в рамках которой интересные идеи могут взаимодействовать. Мы – космополиты, для нас мир более важен, чем Европа, а Европа более важна, чем Германия. Сейчас существует множество проблем, которые априори являются интернациональными: экологические, экономические, проблемы здравоохранения и ограниченности пищевых и других ресурсов. Все понимаем, что эти проблемы можно помыслить только глобально. Но в определенном смысле Германия – провинциальная страна, по сравнению с Англией или Францией, потому что эти страны имели наследие колониализма. Англия управляла Индией и Пакистаном, Франция – большей частью Африки, а Португалия – Анголой и Мозамбиком. Это привело к тому, что в этих странах до наших дней существует постоянный интерес к бывшим колониям. Кроме того, множество людей в этих странах говорят по-французски, по-английски или по-португальски.

Когда к концу XIX века мир был разделен, Германия осталась без колоний. Поэтому во времена нацизма немцы устремились на Восток для завоевания жизненных пространств. К счастью, это был очень короткий эпизод. Индия же находилась в колониальном владении Англии несколько сот лет. Страны, имевшие опыт колониализма, интернационально ориентированы в большей степени. Отсутствие у Германии опыта взаимодействия с колониями отчасти сделало ее провинциальной. Впрочем, это компенсировалось открытостью немцев по отношению к другим культурам.

Например, в начале XIX века Германия занимала ведущее место в изучении санскрита и в индологии. Сейчас эта традиция ут-

рачена. Когда Тагор приехал в Берлин в начале 20-х, чтобы встретиться с Эйнштейном, многие тысячи людей вышли на улицы поприветствовать индийского поэта. Можно ли представить себе сейчас подобную встречу поп-звезды!

■ А. А.: Вы организовали несколько крупных международных проектов: Международный конкурс эссе (1999), выставку работ, посвященную 11 сентября, и последнее событие – приз за лучшие литературные репортажи «Улисс». Жюри этого конкурса составили носители 11 языков. (Первую премию за свою книгу о Чечне в 2003 году получила Анна Политковская.) Какие задачи Вы ставите, организуя все эти проекты?

■ Ф.Б.: Проекты имеют общую цель: показать, что мы живем в одном мире. Этот мир неоднороден, разделен на двести письменных языков, тысячи разговорных языков, но в наше время, благодаря глобализации, все сильнее дающей о себе знать на уровне медиа, финансов, капитала и рабочей силы, технологий, распространения имиджей и музыки, он постоянно усложняется и в то же время унифицируется. А ведь еще недавно культуры были разделены колоссальной дистанцией: например Китай и Европа, Индия и Европа. И вдруг случилось короткое замыкание!

Несколько лет назад я был в городе Варанаси на берегу Ганга. Множество людей там живет на улицах, по ночам они сидят у костра. Однажды глубокой ночью я возвращался на рикше в отель, мы ехали мимо людей, сидящих у огня. Когда же я добрался до отеля и включил телевизор, я увидел... Мадонну. Мне рассказывали, что телевидение появилось в Индии только 10–12 лет назад, – Индира Ганди его запрещала. Прежде по вечерам жители этого города обычно ходили к Гангу, пели песни и рассказывали истории. И вот теперь, благодаря телевидению, люди, материально живущие очень бедно, но при этом медитативной, религиозной, самодостаточной жизнью, напрямую сталкиваются с пошлой поп-культурой в лице Мадонны! Мы как раз пытаемся понять эти процессы: что происходит в результате подобных шоковых взаимодействий? Мобильность становится реальной угрозой: сотни тысяч людей эмигрируют в Европу. То же самое можно сказать о

пересечении разных культур. Тут могут быть опасные сюрпризы, как с исламом. Глобализация все более и более ассоциируется с негативом. Последствия – отказ принять европейскую конституцию во Франции. Настал период страха перед глобализацией. И мы должны указать на ее позитивную сторону.

Так, во время конкурса эссе в 1999 году нас интересовало: если интеллектуалы всего мира будут думать над одним и тем же вопросом, каков будет результат? Люди из Африки, Азии, России, Америки, Европы думали над одним двойным вопросом: «Освободить прошлое от будущего, освободить будущее от прошлого». То же самое было во время проекта репортажей (1998), когда мы послали семь писателей на три месяца в семь различных мест мира. Это было семь путешествий на периферию мира. В проекте участвовал фотограф, который фотографировал деньги со всего мира: от рупий в Пакистане до голографических денег. Результаты поездок этих писателей и фотографа были опубликованы в «Леттр». Затем была трехдневная конференция на тему «Как сейчас выглядит мир?». Получилась полицентрическая, полифоническая картина. Нам интересны различные голоса, потому что они напоминают, что мы живем в очень маленькой стране Германии – даже Мадагаскар больше.

И мы должны научиться радоваться богатству всего мира! Посыл в общем-то эгоистический. Нам не нужны шпионы, нам нужны хорошие истории, нам нужны шпионы культуры.